

тем, насколько глубоко мы сумели проникнуть в сущность понятия «этнос».

За последние годы в области теории этноса сделано немало. И все же специфика этноса, по-видимому, не вполне адекватно отражена в наиболее часто встречающемся определении его как исторически сложившейся на определенной территории устойчивой межпоколенной совокупности людей, обладающих общими сравнительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании²⁴. В большинстве случаев это определение кажется достаточно операциональным, но оно, например, не позволяет однозначно разграничить этносы и касты или кастоподобные образования раннеклассового общества, к которым фактически также почти полностью применимо указанное определение. Проникновение в сущность специфических связей, отличающих этнос от всех других исторических общностей людей, — вот что по-прежнему остается важнейшей задачей теоретической этнографии.

²⁴ Современные этнические процессы в СССР, с. 11.

ОТ РЕДАКЦИИ

Обсуждение в журнале статьи М. В. Крюкова «Еще раз об исторических типах этнических общностей» показало, что задача типологизации этнических общностей и уточнения соответствующего понятийно-терминологического аппарата пока еще не может считаться решенной. Несмотря на обнаружившиеся в ходе дискуссии расхождения во взглядах, все ее участники были единодушны во мнении о необходимости уточнения терминологии и, во всяком случае, введения дополнительных квалифицирующих характеристик, которые позволили бы придать большую содержательность и четкость общепринятой ныне этнической номенклатуре. Хотя разработка этого аппарата заметно продвинулась в последнее время, однако остался еще ряд нерешенных вопросов. Поэтому в центре внимания оказалась многозначность термина «народность». В связи с этим в ходе дискуссии были предложены уточнения терминологического характера. И хотя не исключено, что некоторые из них войдут в научный обиход, следует сразу же подчеркнуть, что едва ли удастся легко отказаться от термина, достаточно прочно утвердившегося в научной литературе за последние три с половиной десятилетия. К тому же в ходе дискуссии еще раз было обращено внимание на некоторые заслуживающие учета критерии разграничения народностей и наций: их надо только последовательно соблюдать.

В чем же заключается главный итог проведенного обсуждения? По-видимому, прежде всего в том, что оно позволило яснее осознать сложности, которые возникают на пути совершенствования существующей типологии форм этнических общностей. Поэтому, завершая обсуждение, целесообразно попытаться обрисовать эти сложности.

Первая из них вызвана «вторичностью» общности этнической по отношению к общности социальной. Параметры этноса (ЭСО) — эта точка зрения разделяется всеми участниками дискуссии — определяются прежде всего факторами формационными и зависят от них. Но очевидно также и то, что признание определяющей роли формационных факторов не исключает представления об относительной самостоятельности собственно этнических общностей в процессе их эволюции, которая в свою очередь отнюдь не всегда синхронна изменениям, происходящим в социально-экономической структуре. По сравнению с ней собственно-этнические свойства гораздо более инерционны. Поэтому смена общественно-экономической формации не означает немедленного и, так сказать, автоматического изменения всей этносоциальной общности. Ведь, даже изменив свой тип вслед за сменой формации, ЭСО не перестает развиваться, эволюционировать и в сфере собственно этнической. Этнос в узком значении слова и его культура — открытые системы, они способны воспринимать самые разные внешние воздействия в дополнение к собственному спонтанному развитию. И поэтому взаимодействие собственно этнических факторов с факторами формационными, точнее — внутрiformационными,

достаточно сложно. Какие-то составные элементы (компоненты) этнической общности, какие-то ее характеристики (параметры) могут в своей эволюции обгонять формационные факторы, какие-то (их в принципе большинство) запаздывают в сравнении с ними. И то, и другое зависит от конкретных особенностей экономической, политической, конфессиональной, этнокультурной и т. п. ситуации, в которой существует та или иная этническая общность, и это должно учитываться при выделении подтипов не только собственно этнических, но и этносоциальных общностей.

В то же время следует учитывать, что любая антагонистическая общественно-экономическая формация (и даже коммунистическая в первые годы после победы социалистической революции) есть сама по себе явление многоукладное. В рамках одной формации сосуществовали социальные подсистемы более развитые и относительно отстававшие в развитии. В реальной истории эти социальные подсистемы разного уровня выступали в облике разнотипных этнических или локальных общностей. И это-то и создает еще одну сложность: упоминавшаяся выше инерционность этнокультурных процессов вызывает потребность в различении уже подтипов этнических общностей, сходных по своему этническому облику, но разных по своей формационной определенности. Таким образом и возникло, собственно говоря, разграничение нескольких разновидностей народностей в зависимости от их формационной принадлежности.

Впрочем, вопрос о различных стадияльных разновидностях народности имеет и еще один аспект. В самом деле, только что упоминавшиеся многоукладность антагонистических формаций и многообразие конкретных ситуаций делают правомерным предположение о возможности множественных типов этнических общностей, единых по своей формационной принадлежности, но разных по этническому облику, т. е. как это было показано в ходе дискуссии, по интенсивности информационных связей. Проще говоря, можем ли мы утверждать, что например, при феодализме народность была не только ведущим, но и единственным типом этнической общности? Логически допустимо сосуществование с нею еще какого-то пока не выделенного типа этнической общности. Обычно у нас употребляемые в данном контексте определения «ранне-» или же «позднефеодальная» народность проблемы не решают. С одной стороны потому, что далеко не всегда может считаться доказанной стадияльная однотипность одновременно существующих ЭСО, с другой — в силу необходимости учитывать при подобной типологизации различные варианты их собственно этнических свойств.

При дальнейшей разработке типологизации этнических общностей нужно принимать во внимание такой фактор, как степень «слитности» этнического и социального компонентов в составе ЭСО. Когда речь идет об одноэтничном социальном организме, вопрос более или менее ясен. По-иному обстоит дело, когда мы рассматриваем этнос, который входит в какую-то более обширную социально-политическую систему, но не служит при этом главным структурообразующим элементом, т. е. этнической основой таковой. Он может быть достаточно плотно «встроен» в эту систему, даже занимая в ней подчиненную позицию. Но возможно и существование такого этноса — ЭСО — на периферии «чужой» системы, когда такая этническая общность оказывалась очень мало вовлеченной в этнокультурные процессы, протекавшие в центре системы.

С другой же стороны, весьма существенно и состояние самой такой системы, в которую «встраивалась» этническая общность. Ее важнейшие формационные характеристики во всех сферах жизни — экономической, социальной, политической, культурной — могли быть выражены с большей или меньшей полнотой. И к тому же степень выраженности этих характеристик в разных сферах вовсе не обязательно распределялась равномерно: в каких-то из них формационный характер системы мог быть выражен больше, в каких-то других меньше. А степень их «развернутости» определяла большую или меньшую внутреннюю однородность всей системы — и это, в свою очередь, во многом определяло ход, интенсивность и результаты воздействия этой системы на данную этническую общность.

Весьма интересен поставленный в статье М. В. Крюкова и довольно подробно затрагивавшийся в дискуссии вопрос об изменении степени выраженности этнического самосознания по мере продвижения общества по пути социально-экономического развития. Анализ этой стороны, равно как и предложенные М. В. Крюковым понятия этноимулирующих и этностагнирующих факторов, несомненно, плодотворны. Но, как справедливо отмечалось в ходе дискуссии, необходимо особо подчеркнуть, что и сами эти факторы и выраженность этнического самосознания как следствие их действия тоже значительной мере ситуативны — как в смысле конкретно-историческом, так и в иных отношениях. Кроме численности этнической общности — ЭСО и типа ее расселения, не

говоря уже об уровне ее социально-экономического развития, о которых мы уже говорили, по-видимому, надлежит принимать во внимание характер межэтнических отношений, а также некоторые другие факторы, способные сыграть немалую роль в формировании и эволюции этнического самосознания общности. И все это крайне затрудняет периодизацию собственно этнических общностей на основе такого «вторичного» по своим свойствам феномена как этническое сознание.

В этой связи вырисовывается еще одна сложность, перед которой оказывается исследователь этнокультурных процессов прошлого. Оппозиция «мы — они», лежащая в основе всякого самосознания, включая и этническое, столь же исторична, как и сами эти процессы. Поэтому при их изучении объективно всегда присутствует опасность перенести на более отдаленные исторические эпохи наши современные представления об этническом самосознании. Между тем интенсификация последнего при капитализме и в наши дни во многом «очистила» это самосознание от тех сопутствующих черт, что были ему присущи на докапиталистическом этапе общественного развития. В частности, с нашим восприятием этнического самосознания мы довольно легко можем недооценить «многоступенчатость», типичную для самосознания феодального или рабовладельческого. Ведь насколько можно судить по множеству примеров, последнее представляло сложное переплетение собственно этнических (и субэтнических, локально-групповых), региональных, конфессиональных, политических моментов. И взаимное распределение таких моментов, их удельный вес в составе сложного конгломерата, каким представляется нам этническое самосознание докапиталистических классовых обществ, и определяло главные его характеристики: большую или меньшую напряженность, активное функционирование или стагнацию. Именно поэтому прошедшее обсуждение еще раз напомнило о необходимости строго соблюдать принцип историзма при изучении этнокультурных процессов и разработке типологии форм этнических общностей.

Преодоление указанных сложностей позволит в ходе дальнейших изысканий еще более приблизиться к созданию максимально полной и совершенной типологии, построенной на объективных и научных основаниях.